

Книги ДЖЕЙМСА ХЭДЛИ ЧЕЙЗА

в серии

«Звезды классического детектива»

Лучше бы я остался бедным

Весна в Париже

Сильнее денег

Перстень Борджиа

Шутки в сторону

Запах денег

Карьера убийцы

Весь мир в кармане

Ты за это заплатишь

Карточный домик

Итак, моя радость...

Без денег ты мертвец

Нет орхидей для мисс Блэндиш

Считай себя покойником

Свобода — опасная вещь

Двойная подтасовка

За все надо платить

Не мой уровень

Реквием блондинке

Если вам дорога жизнь

Туз в рукаве

У мертвых не спросишь

Ты будешь одинок в своей могиле

Быстрые деньги

Семь раз отмерь

У меня четыре туза

Миссия в Венецию

Осиное гнездо

Пусть мертвый оживет

Очередь за саваном

Джеймс Хэдли
ЧЕЙЗ

**ОЧЕРЕДЬ
ЗА САВАНОМ**

АЗБУКА
Санкт-Петербург

EBA

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Прежде чем поведать историю своего знакомства с Евой, я должен вкратце рассказать о себе и о тех событиях, которые привели к нашей первой встрече.

Если бы не один неожиданный поворот судьбы, побудивший меня отказаться от заурядной карьеры экспедитора, я бы не встретил Еву, а значит, не ввязался бы в историю, которая в конечном счете разрушила мою жизнь.

Даже теперь, спустя два года после того, как мы виделись в последний раз, стоит лишь подумать о ней, и мною вновь овладевает неистовая страсть с горьким привкусом разочарования, которая приковывала меня к ней все те дни, когда лучше бы было сосредоточиться на работе.

Не важно, чем я сейчас занимаюсь. Никто никогда не слышал обо мне в этом захолустном городке на побережье Тихого океана, куда я приехал около двух лет назад, осознав наконец, за какой пустой и призрачной мечтой гнался.

Но речь пойдет не о настоящем и не о будущем. Моя история посвящена прошлому.

Хотя мне и не терпится поскорее вывести на сцену Еву, все же, как я уже говорил, надо сообщить некоторые подробности о себе.

Меня зовут Клайв Торстон. Возможно, вам пришлось слышать это имя. Я считаюсь автором пьесы «Повторное приглашение», которая в свое время про-

извела фурор. На самом деле той пьесы я не писал, но из-под моего пера все же вышли три довольно популярных романа.

До постановки пьесы я был никем; впрочем, как и теперь. Жил в городе Лонг-Бич в большом многоквартирном доме рядом с рыбоконсервным заводом, на котором работал экспедитором.

Пока в нашем доме не поселился Джон Коулсон, я вел такое же монотонное, начисто лишённое честолюбивых помыслов существование, как и сотни тысяч других молодых людей, не имеющих никаких перспектив, обречённых и следующие двадцать лет протомиться все на той же работе.

И хотя жизнь моя была бесцветной и одинокой, я влачил ее с равнодушной покорностью. Я не видел возможности вырваться из каждодневной рутины утреннего подъема, похода на службу, дешевой еды, опасений превысить бюджет, случайной интрижки, если позволяли деньги. Выхода из этого замкнутого круга не было, пока я не познакомился с Джоном Коулсоном. Именно тогда мне представился счастливый шанс, и я его не упустил.

Джон Коулсон знал, что скоро умрет. Три года он боролся с туберкулезом, но его силы были на исходе.словно умирающий зверь, который прячется перед смертью от посторонних глаз, он оборвал все связи с друзьями и переехал в грязный доходный дом в Лонг-Бич.

Почему-то меня тянуло к нему, и ему, казалось, было приятно мое общество.

Может, потому, что он был писателем. Я и сам всегда мечтал заняться литературным трудом, но мысли о трудностях этого ремесла вгоняли меня в ступор. Хотя я чувствовал, что стоит начать, и мой дремлющий, но несомненный талант принесет мне богатство и славу. Полагаю, многие думают точно так же, и, подобно им, я все никак не мог заставить себя взяться за дело.

Джон Коулсон рассказал мне, что написал пьесу и что она была лучшим его творением. Я охотно слушал рассказы приятеля, узнавая поразительно интересные вещи о писательской технике и о том, какую уйму денег можно заработать на хорошей пьесе.

За два вечера до смерти он попросил послать пьесу своему агенту. К тому времени он был уже полностью прикован к постели и мало что мог сделать самостоятельно.

— Вряд ли я доживу до постановки, — угрюмо добавил он, глядя в окно. — Бог его знает, кому достанется гонорар, пусть об этом заботится мой агент. Чертовски забавная штука, Торстон, но у меня нет никого, кому бы я мог оставить наследство. Жаль, что я не обзавелся детьми. Тогда мой труд не пропал бы зря.

Я осторожно поинтересовался, ждет ли агент его пьесу, и он покачал головой:

— Кроме тебя, никто и не знает, что я ее написал.

На следующий день, в субботу, в Аламитос-бэй проходил ежегодный фестиваль водного спорта. Я отправился на пляж, чтобы вместе с тысячами зевак посмотреть регату.

Не выношу столпотворения, но Коулсон угасал на глазах, и мне захотелось вырваться из воцарившейся в доме тягостной атмосферы приближающейся смерти.

Я добрался до гавани как раз тогда, когда миниатюрные яхты готовились к самой важной гонке дня. Призом был золотой кубок, и страсти достигли апогея.

Одна из яхт особенно бросалась в глаза. Это было великолепное судно с ярко-красными парусами и изящным корпусом, просто созданным для высоких скоростей. На яхте суетились два человека. По одному, типичному докеру, я лишь скользнул взглядом, а вот второй меня заинтересовал — он явно смахивал на владельца. На нем были дорогие белые шерстяные брюки и замшевые туфли, а на запястье я заметил массивный

золотой браслет. На его мясистом лице застыло выражение холодного высокомерия — безошибочный знак богатства и власти. Он стоял у румпеля с сигарой в зубах, наблюдая, как его помощник завершает последние приготовления на судне. Я все думал, кем бы он мог быть, и наконец решил, что передо мной либо кинорежиссер, либо нефтяной магнат.

Понаблюдав за ним несколько минут, я двинулся дальше, но обернулся на звук падающего тела и жалобный вскрик.

Оказалось, докер поскользнулся, спускаясь с яхты, и теперь лежал на пристани со скверным переломом ноги.

Это происшествие и стало причиной крутых перемен в моей судьбе. У меня имелись некоторые навыки в парусном спорте, я вызвался занять место помощника и в итоге разделил с владельцем судна победные лавры.

Хозяин яхты представился мне лишь после регаты. Когда он назвал свое имя, я даже не сразу сообразил, какая мне выпала удача. Роберт Роуван был в то время одним из самых влиятельных людей в Театральной гильдии. Он владел восьмью или девятью театрами, и за ним тянулся длинный шлейф успешных постановок.

Выигранному кубку он обрадовался как ребенок и был безмерно благодарен за помощь. Протянув визитку, он торжественно пообещал, что, если мне понадобится поддержка, он сделает все, что в его силах.

Теперь понимаете, какое искушение меня подстергало? Вернувшись домой, я застал Коулсона без сознания; на следующий день он скончался. Его пьеса, готовая к отправке, лежала на моем бюро. Колебался я недолго. Коулсон сам признал, что понятия не имеет, кто получит гонорар, а ведь мог бы, в конце концов, подумать и обо мне. Быстро успокоив свою возмущенную совесть, я вскрыл пакет и прочел пьесу.

Хоть в драматургии я смыслил немного, но, дочитав до конца, понял, что это выдающаяся вещь. Я долго сидел, просчитывая шансы своего разоблачения, но не смог вообразить ни малейшей опасности. Перед тем как лечь спать, я заменил титульный лист рукописи. Вместо «Бумеранга» Джона Коулсона на нем теперь значилось «Повторное приглашение» Клайва Торстона. На следующий день я отослал пьесу Роувану.

Прошел почти год, прежде чем пьеса была поставлена. За это время в рукопись было внесено множество изменений, поскольку Роуван предпочитал, чтобы театральные прожекты, которые он финансировал, носили отпечаток его личности. К премьере я уже свикся с мыслью о своем авторстве и, когда она прошла с шумным успехом, был искренне горд собой.

Какое ликование наполняет душу, когда в переполненном зале называют твое имя и по лицам людей становится ясно, что ты для них не пустое место! Во всяком случае, для меня это значило немало. Не меньше значили и внушительные гонорары, ведь раньше мне приходилось довольствоваться сорока долларами в неделю.

Уверившись, что пьесу ждет долгая сценическая жизнь, я перебрался из Нью-Йорка в Голливуд. Я надеялся, что с моей нынешней репутацией на меня будет спрос и мне удастся обосноваться там в качестве сценариста. Авторских отчислений набиралось почти на две тысячи долларов в неделю, и я без колебаний снял квартиру в модном квартале на бульваре Сансет.

Устроившись на новом месте и тщательно все обдумав, я решил, что надо ковать железо, пока горячо, и приступил к работе над романом. Это была история человека, получившего ранение на войне и утратившего способность любить. Эта история не была выдумкой, я даже знал, что произошло с подругой этого человека. Когда-то этот случай произвел на меня неизгладимое впечатление. Как ни странно, мне удалось перенести

свои эмоции на страницы книги. Конечно, большую роль в ее успехе сыграло мое имя, но и сама вещь была вовсе не дурна. Разошлось больше девяноста семи тысяч экземпляров, и книга еще продавалась, когда на рынке появился второй мой роман. Этот был не столь хорош, но и он распродавался недурно. Сюжет этого романа я полностью выдумал, писался он со скрипом, и именно тогда я понял, насколько тяжок литературный труд. Третье произведение основывалось на реальных событиях из жизни женатой пары, с которой я был близко знаком. Жена вела себя возмутительно, и их окончательный разрыв стал для меня настоящим потрясением, так что оставалось только сесть за печатную машинку и ударить по клавишам — слова ложились на бумагу словно сами собой. Когда книга вышла в свет, ее тоже ждал успех.

Я окончательно уверился, что напал на золотую жилу. Я даже стал думать, что смог бы преуспеть и без пьесы Джона Коулсона, и поражался собственной глупости, из-за которой потерял столько лет, горбатясь за конторкой, вместо того чтобы зарабатывать писательством большие деньги.

Несколько месяцев спустя я решил, что пора приниматься за пьесу. «Повторное приглашение» закончили играть на Бродвее и повезли на гастроли. Оно по-прежнему приносило хороший доход, но я знал, что в скором будущем гонорары уменьшатся, а мне не хотелось отказываться от привычки к роскоши, которой я успел обзавестись. Кроме того, друзья то и дело спрашивали, когда же я напишу что-нибудь для театра, и мои постоянные отговорки становились неубедительными.

Принявшись за пьесу, я вдруг обнаружил, что идей, годных для драматургического воплощения, у меня нет. Я не сдался, а попытался найти вдохновение в беседах с людьми, однако в Голливуде немного охотников делиться замыслами. Я размышлял, нервничал, но ничего

не приходило на ум. Кончилось тем, что я послал пьесу к черту, сел за машинку и состряпал очередной роман. Я с головой ушел в работу и перевел дыхание, только когда отослал рукопись своему издателю.

Две недели спустя я получил от издателя приглашение пообедать. Он не стал ходить вокруг да около и откровенно заявил, что книга никуда не годится. Меня не нужно было убеждать. Я понял это в тот самый момент, когда поставил финальную точку. Так что я попросил его забыть о злосчастном опусе, сбивчиво объяснив, что спешил, отвлекался, но не позднее чем через месяц пришлю что-нибудь действительно стоящее.

Теперь предстояло разыскать пристанище, где можно сосредоточиться на работе и скрыться от толпы, пожирающей время и мешающей собраться с мыслями. Мне почему-то казалось, что достаточно найти мирный, уединенный приют в каком-нибудь живописном месте и привести в порядок нервы, и еще один бестселлер или даже великая пьеса не заставят себя долго ждать. Моя самоуверенность возросла настолько, что я ничуть не сомневался: в правильном окружении я создам шедевр. В конце концов я обнаружил место, которое показалось мне идеальным во всех отношениях.

Одноэтажный коттедж под названием Три-Пойнт располагался в нескольких сотнях ярдов от дороги к Большому Медвежьему озеру. С его просторной веранды открывался величественный вид на окрестные холмы. Обставлен он был со всей возможной роскошью и имел множество полезных технических приспособлений, включая маленькую, но мощную генераторную установку. Я с радостью снял его на лето.

Но надежды на то, что Три-Пойнт станет моим спасением, не оправдались. Каждое утро я вставал около девяти и усаживался за стол, стоящий на веранде, с крепким кофе у локтя и пишущей машинкой перед носом, и словно впадал в летаргическое оцепенение,

бездумно глядя на окружающий пейзаж. Я мог провести все утро, куря, пляясь на окрестности, вымучивая пару неуклюжих строчек, чтобы в итоге вымарать их недрогнувшей рукой. Днем я отправлялся на машине в Лос-Анджелес, слонялся по городу, болтая со сценаристами и глазами на кинозвезд. Вечером снова пытался работать, раздражался и в конце концов отправлялся спать.

Именно в этот критический для моей карьеры период, когда малейшее душевное потрясение могло стать причиной успеха или провала, в мою жизнь вошла Ева. Словно под влиянием колдовских чар, меня притянуло к ней, как булавку к гигантскому магниту. Она никогда не осознавала, насколько велика ее власть надо мной, а если бы и осознала, ее бы это мало заботило. Надменное безразличие — вот что раздражало меня в ней больше всего. Всякий раз, когда мы были вместе, я изнывал от желания заставить ее уступить, выдать секрет своей силы. Этот нескончаемый поединок стал для меня дьявольским наваждением.

Но достаточно предисловий. Декорации готовы, и моя история начинается. Долго же я собирался ее написать: брался и откладывал в сторону. Может быть, у меня получится на этот раз.

Если эта книга когда-нибудь увидит свет, не исключено, что она попадет в руки Еве. Я представляю, как она лежит в постели с сигаретой между пальцами и лениво читает мое творение. Поскольку в ее жизни было так много так мало значивших для нее мужчин и ее память превратила большинство из них в безликие тени, она, вероятно, забыла многие, если не все, наши встречи. Может, ей будет забавно оживить в памяти эфемерные моменты нашей близости и еще раз убедиться в своей силе и способности оставаться одной. По крайней мере, к концу истории она узнает, что я проник в ее жизнь глубже, чем она предполагала, и смог сорвать с нее несколько масок, впрочем, как и с себя самого.

И я представляю себе, как, добравшись до последней страницы, она, с таким знакомым выражением небрежного безразличия, равнодушно отбрасывает книгу прочь.

ГЛАВА ВТОРАЯ

На заправке в Сан-Бернардино меня предупредили, что ожидается торнадо.

Работник в элегантном белом комбинезоне с красным треугольным значком на нагрудном кармане посоветовал заночевать в городе, но я не внял голосу разума.

Когда я добрался до холмов, ветер усилился. Еще через милью звезды скрылись во мгле, и ливень обрушился на землю свинцовым покрывалом, заполонив ночь водой и туманом.

Через полукруглый просвет, оставляемый дворниками на лобовом стекле, мне были видны только отскакивающие от капота дождевые капли да несколько футов блестящей черной дороги, которые выхватывал свет фар.

Из-за завываний ветра и стука дождя по крыше машины казалось, что меня засунули внутрь гигантского барабана, по которому колотит какой-то безумный барабанщик. С треском падали деревья, сыпались камни, и все это перекрывал рев воды под колесами. Водяные потоки заливали боковые окна и искажали отражение моего лица, призрачно-желтого от света приборной панели.

На повороте машину занесло, и я чудом не сорвался в пропасть. Слева от меня высился крутой склон холма, правая сторона дороги граничила с отвесным обрывом в долину. Сердце чуть не выпрыгнуло из груди, пока я выворачивал руль и поддавал газу. Ветер дул с такой силой, что машина едва ли прибавила скорость.

Стрелка спидометра подрагивала между десятью и пятнадцатью милями в час, и на большее можно было даже не рассчитывать.

С предельной осторожностью вписавшись в следующий поворот, я увидел двух мужчин, стоявших посреди дороги. Черные макинтоши блестели от дождя в свете фонарей, которые они сжимали в руках.

Когда один из них приблизился, я сбросил скорость и выглянул из окна машины.

— О, мистер Торстон, здравствуйте, — приветствовал он меня, и вода, стекавшая с полей его шляпы, полилась мне на рукав. — Хотите добраться до Три-Пойнта?

Я тоже его узнал.

— Здравствуй, Том, — сказал я. — Смогу я проехать?

— Не то чтобы не сможете. — Его лицо от дождя и ветра приобрело оттенок кровавой отбивной. — Но это будет непросто. Как по мне, лучше бы вам повернуть назад.

Я включил зажигание:

— Я все же рискну. Как думаешь, дорогу не завалило?

— Большой «паккард» проехал около двух часов назад. Обратного не возвращался. Может, впереди все в порядке, но смотрите в оба — ветер наверху будет адским.

— Если «паккард» сумел проскочить, я-то уж и давно смогу, — хмыкнул я, поднял стекло и медленно покотил дальше.

Миновав еще один крутой поворот, я начал взбираться на холм, почти прижимаясь к склону, и через несколько минут выехал на горную дорогу, ведущую к Большому Медвежьему озеру. Лес как-то разом остался позади, и, кроме нескольких зазубренных каменных обломков на горном склоне, ничто не защищало от ветра узкую ленту дороги.

Ураган налетел на машину, едва я выехал из-под прикрытия деревьев. Ее качнуло, и колеса с одного бо-

ка на несколько дюймов оторвались от земли. Я выругался. Случись такое на повороте, я бы в два счета слетел в долину. Переключившись на низкую передачу, я сбросил скорость. Дважды «крайслер» буксовал из-за шквальных порывов ветра. Каждый раз двигатель глох, и я едва успевал среагировать, не давая машине покачнуться назад.

Добравшись до вершины, я почувствовал, что мои нервы на пределе. Дворники не справлялись с потоками воды, и, чтобы разглядеть путь, мне приходилось высовываться в окно. Дорога была не шире двадцати футов, ветер хлестал машину, тряс и подбрасывал, и в следующий поворот я вписался скорее благодаря везению, чем мастерству. К счастью, за поворотом ад кончился. Дождь по-прежнему усердно барабанил по крыше, но я смог перевести дыхание: дорога пошла под уклон с подветренной стороны.

До Три-Пойнта оставалось всего несколько миль. И хотя я понимал, что худшее позади, все же не терял бдительности. Как оказалось, не напрасно. Внезапно свет фар выхватил из темноты стоящий посреди дороги автомобиль, и я едва успел ударить по тормозам. Колеса заклинило, «крайслер» повело юзом, и на какую-то неприятную секунду мне показалось, что я сейчас отправлюсь на небеса. Потом мой бампер со скрежетом вписался в зад перегородившей дорогу машины, и меня бросило на руль.

Проклиная идиота, оставившего машину без сигнальных огней, я встал на подножку и нащупал фонарик. Дождь не унимался, и, перед тем как спрыгнуть на землю, я направил луч вниз, чтобы посмотреть, что меня ждет. Вода доходила до колпаков колес. Осветив брошенную машину, я понял, что случилось. Ее передние колеса были полностью погружены в воду, и она, по всей видимости, попала в карбюратор.

На дороге, которая, как я знал, следующие несколько миль круто шла вниз, по неизвестной причине образовалось небольшое озерцо. Я осторожно спустился с подножки, и мои ноги погрузились в воду до середины икр. Ботинки тут же засосала вязкая грязь и смачно зачавкала при каждом шаге на пути к брошенному автомобилю. Дождь превратил мою шляпу в размокший блин, и я раздраженно смахнул ее с головы. Добравшись до машины и заглянув в окно, я обнаружил, что там никого нет. Я взобрался на подножку и направил луч фонарика вперед. Дороги дальше попросту не существовало. Деревья, камни и грязь завалили путь, образовав подобие дамбы.

Брошенная машина оказалась «паккардом», о котором, похоже, и упоминал Том.

Ничего не оставалось, как идти пешком. Я вернулся к «крайслеру», подхватил меньшую из двух сумок, запер дверцы и зашлепал мимо «паккарда» к завалу из деревьев и камней. Стоило выбраться из воды, и вскарабкаться по нему не составило особого труда. С вершины завала открывался обзор на дорогу к озеру, и она, насколько хватало взгляда, была свободна от каких-либо препятствий.

Спуск оказался куда сложнее, и разок я чуть было не упал. Ноги разъехались в стороны, и, чтобы устоять, я бросил сумку и ухватился за корни дерева, а потом долго не мог ее найти.

После завала задержек больше не было. Минут за десять я добрался до ворот Три-Пойнта, вышел на подъездную аллею и увидел в гостинной свет. Я тут же подумал о водителе «паккарда». Слегка рассердившись, попытался сообразить, как ему удалось проникнуть внутрь.

К дому я подходил осторожно, чтобы успеть взглянуть на гостя прежде, чем обнаружу свое присутствие. Оставив сумку на веранде, я стянул промокшую на-